

Поэтические встречи

Владимир САКАДЫНСКИЙ

ПЕРЕКРЕСТЬЯ ДОРОГ

* * *

Никому не завидуй,
 ни о чем не жалей,
По пространству Евклида
 гонит лист суховей,
Не мешай, встань в сторонке,
 отойди не спеша,
Там, где нежно и тонко,
 там и рвется душа.
Обнажаются ветки, обретая покой,
Одиноко и редко
 лось трубит за рекой,
Стынет звездами вечер,
 нарождается век,
Божьим грузом на плечах
 крест несет человек.
Ни ему передышки,
 ни спины разогнуть,
По неправедным вешкам,
 знать, лежит его путь.
Осень огненным лисом
вкралась в плоть сентября,
Умирают нарциссы, отлюбивши себя.
Ветром спутало вехи, и над чащей
 раakit
Безутешное эхо горько плачет
 навзрыд.

* * *

Не заморская песня, – русская,
Развернулась, заполнила дом,
Разнопевная, нежно-грустная,
Звонким выткана серебром.
Внучка с бабушкой, волос к волосу,
Пригрустнули в вечерней тиши,
Прикручинились на два голоса,
Распахнулись на две души
Про судьбину, про степь,
 про колечко,
О красавце, лихом ямщике,
Льется песня, как чистая речка,
Как святая слеза по щеке.
Поднимаясь над миром высоко,
Зажигая небес фонари,
Замирает далёко-далёко
На разводьях вечерней зари.
Я готов ее слушать и слушать,
Пить, как свежую майскую рань,
Только рвется всё чаще мне в уши
Барабанно-визгливая дрянь.
Под надрыв музыкального рыка
Теле-радио тиражом...
То певунчик исходит криком,
То певичка, – почти нагишом.
Или то же, без племени-роду,
Нацепив на кокошник платок,

Сакадынский Владимир Николаевич родился в селе Кандаурово 19 августа 1951 года. После окончания Кольванской средней школы №1 и Новосибирского сельскохозяйственного института работал агрономом совхоза, в редакции районной газеты «Мошковская новь», собкором газеты «Советская Сибирь», в партийных органах Болотнинского района.

В настоящее время – предприниматель, проживает в с.Кандаурово Кольванского района.

Разухабисто псевдонародность
 На чужой так и лезет шесток.
 Не сатрап я изменчивой моды,
 Только думы мне спать не дают, –
 Отчего все бойчей с каждым годом
 На Руси не по-русски поют?
 Отчего же язык наш певучий
 В русских селах, в домах поутих?
 Допоются ли бабушка с внучкой
 До кудрявых потомков моих?

* * *

Маме Е. С. Сакадынской

Многое забылось, – только помню,
 В детские безоблачные дни
 Пахли хлебом мамины ладони,
 Глядящие волосы мои.
 И потом по жизни, где бы ни был, –
 Посреди воды или огня, –
 Мамины ладони пахли хлебом,
 Заслоняя от беды меня.
 Жизнь текла, зима сменялась летом,
 Но, как и в былые времена,
 Мама пахла молоком и хлебом,
 Ангелом-хранителем была.
 Все проходит, – остается это,
 Через расстоянья и года,
 Мама пахнет молоком и хлебом,
 Как нетленный свет и доброта.

* * *

*Памяти дяди Павла Семёновича
 Богатырёва, сибирского снайпера.*

Кто он был? – просто русский парень,
 Что любил? – Россию свою,
 В сорок третьем, смертельно ранен,
 Пал под Курском в жестоком бою.
 Крепки в памяти детства меты, –
 Не стереть за давностью лет,
 Наша бабушка в день Победы
 Доставала его портрет.
 Развернувши кусочек шёлка,
 Выходила с ним на крыльцо
 И глядела так долго-долго
 В молодое его лицо.
 От заката и до рассвета
 Бабий плач по домам голосил,
 Долго-долго катилась Победа
 По бескрайней от горя Руси.

* * *

Засентябрило. В ветках тополей
 Холодный ветер лист последний ищет,
 В такие дни тревожней и светлей
 Живет душа, возвышенной и чище.
 В траве – хрустальный иней поутру,
 Все крепче жметса кот
 к горячей печи,
 Горят, горят багрянцем на ветру
 В саду рябин негаснувшие свечи.
 Выходит, значит, так тому и быть –
 Вновь опоздал и не сумел дознаться,
 Как у природы научиться жить, –
 И увядать, и снова возрождаться.

У МОГИЛЫ КОЛХОЗНИКА ИВАНОВА

Лежит мужик, уже нетороплив,
 Как по закону, и, согласно росту,
 Три кубометра глинистой земли
 Заняв по центру сельского погоста.
 Красиво место, выбрано не зря, –
 С увала видно, – в сини тонут дали,
 До горизонта щедрая земля,
 Которой так ему и не отдали.
 Так что ж теперь, уж поздно горевать,
 Ведь говорят: нет радости в печали,
 Кричали хвально: «Мужику отдать!»
 А на поверку, только обещали.
 Он честно жил, работал на страну,
 Не задавал заумственных вопросов,
 Когда случилось, отломал войну,
 А после отпахал свое в колхозе.
 Лишь иногда он спрашивал себя,
 Перебирая всю судьбину-долю:
 «Да где ж она, декретная земля?
 И где она, обещанная воля?»
 Достав кисет с моршанскою
 махоркой,
 Затягивался дымом не спеша,
 Ломались губы от усмешки горькой,
 И тихо-тихо плакала душа.
 ...Всё так, всё так, и так проходит
 жизнь,
 Как ветерок по скошенному полю.
 Глядят ромашки на могилке ввысь, –
 Не получил он ни земли, ни лучшей
 доли.

* * *

Улетают на юг запоздалые гуси,
 Многотруден и долог, должно быть,
 их будет полёт.

Колыхливо-пунктирная серая
 ленточка грусти
 В низком небе осеннем над пажитью
 мокрой плывет.
 А внизу тополя с облетевшей
 листвою,
 Перекрестья дорог и поля в пятнах
 мокнущих скирд,
 И какой-то старик с непокрытой стоит
 головою
 И в дождливое небо на птиц этих
 вольных глядит.
 Что ему до хлопот улетающей стаи?
 Надо дом утеплять, – паче вящие
 ждут холода.
 Обо всем позабыв, долгим взглядом
 он птиц провожает,
 Словно старых друзей, уходящих
 сейчас навсегда.
 Все морщинки у глаз собрались в
 дальнотворном прищуре,
 Стынут капли дождя на щеках,
 будто искорки слез,
 Восклицательный знак одиночества
 в этой фигуре,
 И вселенская мудрость в сиянии
 белых волос.
 Он глядит и глядит
 вслед уже исчезающей стае,
 Будто вслед промелькнувшей, как
 молния, жизни своей.
 Что-то думает он, и о ком он сейчас
 вспоминает,
 Что он видит в цепочке
 устало летящих гусей?
 А быть может, не так,
 может, все это мне показалось?
 Может, просто о чем-то никчемном
 задумался он,
 Может, просто устал,
 «уж такая штуковина – старость»,
 Совершая предписанный строгим
 врачом моцион.
 Только все же витает
 пронзительной ноткою грусти

Над осенним пейзажем
 никем не озвученный крик, –
 В сизом небе осеннем
 устало летящие гуси,
 И глядящий на них,
 как отставший подранок, старик.

КОЛЫВАНСКИЙ ЯМЩИК

*Колывань славилась резвыми
 лошадьми и бесстрашными ямщиками.*

Мои прадеды – все ямщики,
 Был у них свой фасон и аршин,
 Погоняли коней мужики
 От Оби до уральских вершин.
 То тайгой, то замерзшей рекой
 В славный город торговый Ирбит,
 По сибирскому тракту стрелой
 Колыванская тройка бежит.
 Гей, вы кони мои удалцы,
 Путь неблизкий возку предстоит,
 Заливасто звенят бубенцы,
 Да летит снежный бус от копыт.
 Запевай свою песню, ямщик,
 С ней в холодном краю веселей,
 Далека путь-дорожка лежит
 Колыванских гнедых лошадей.
 Только синяя даль, только снежная
 ширь,
 Только след от промерзших возков,
 Только слава на всю удалую Сибирь
 Колыванских лихих ямщиков.
 Наши прадеды – все ямщики,
 За предел им отпущенных дней
 Ускакали, ушли мужики,
 Распрягли своих шалых коней.
 Жил Иван, он не помнил родства,
 Так и звался – не помнящий Ваня,
 Слава Богу, у нас еще память жива
 О лихих ямщиках Колывани.
 Если вдруг что-то в жизни у нас
 не срослось,
 Надо помнить – не плачут мужчины,
 Помогай нам, крутая ямщицкая кость,
 Вывози, удалая ямщина!